DOI 10.15593/perm.kipf/2018.1.09

УДК 271.2:323.2(470.5)

«ЦЕРКОВНЫЕ АГЕНТЫ» ОГПУ–НКВД НА УРАЛЕ В 1920–1930 ГГ.: ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ

А.В. Печерин

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>

В истории Русской православной церкви в XX веке известно несколько крупных кампаний, организованных советской властью, в ходе которых духовенству предстояло показать свою лояльность существующему строю: изъятие церковных ценностей, обновленческий и григорианский расколы и др. Еще одним элементом формирования такой лояльности становится привлечение в число осведомителей ОГПУ–НКВД людей из церковной среды. Государственные антицерковные кампании, расколы давно исследуются в современной исторической науке, но о методах, результатах вербовки, возможной мотивации осведомителей из числа служителей церкви мы имеем недостаточные сведения. Подробное изучение этого процесса, происходившего на протяжении всего периода существования советской власти, позволяет получить более полную картину жизни Русской православной церкви в XX веке, ее взаимоотношений с Советским государством.

Статья посвящена такому неоднозначному вопросу церковно-государственных отношений, как сотрудничество церковнослужителей с органами ОГПУ–НКВД на Урале в 1920–1930-х годах. На примере ряда внутренних документов исследуются различные формы сотрудничества, рассматриваются побудительные мотивы вступления духовенства в ряды осведомителей. Анализ типовых документов (обязательства, подписки о сотрудничестве) показывает, что сотрудничество с органами ОГПУ–НКВД понималось как выполнение гражданского долга сознательного члена советского общества и безусловное выражение лояльности власти.

Открывающиеся архивные материалы, в том числе следственные дела репрессированного духовенства, позволяют судить о возможных мотивах сотрудничества с карательными органами. В качестве основных мотивов выделяются: доверие органам ОГПУ или конкретным людям, представляющим советскую власть; стремление получить личную выгоду от сотрудничества, прежде всего защиту от возможных репрессий; выражение лояльности советской власти. Отдельным и преимущественным мотивом является согласие на сотрудничество для продолжения церковной деятельности. В связи с этим рассматривается феномен так называемого «двурушничества», когда сотрудничество носило формальный характер. В заключение автор делает вывод, что сотрудничество служителей церкви с органами ОГПУ–НКВД представляет собой неоднозначное явление и при рассмотрении биографий духовенства этого периода следует обращать внимание на его мотивацию.

Ключевые слова: Русская православная церковь, гонения на церковь, ОГПУ, НКВД, агенты, осведомители, репрессии, социальный портрет священнослужителя.

“CHURCH AGENTS” OF THE OGPU–NKVD IN THE URALS OF 1920–1930S: TRAITS TO THE SOCIAL PORTRAIT

Andrey V. Pecherin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1456-6905>

The history of the Russian Orthodox Church in the 20th century demonstrates that there were several major campaigns organized by the Soviet authorities during which the clergy had to show its loyalty to the government: the seizure of church values, the Renovation and Gregorian schisms, etc. Another element of such loyalty formation was the involvement of people from the church environment in the number of informers of the OGPU–NKVD system.

State anti-church companies and schisms have been studied by modern historical science for a long time; still there is little sufficient information about the methods and results of recruitment of clergymen and their probable motivation to become informants. A thorough study of this phenomenon, which took place throughout the entire period of Soviet empire, makes possible to have more complete picture of the Russian Orthodox Church existence in the 20th century as well as its relationship with the Soviet authorities.

The article is devoted to such undeniably ambiguous problem of relations between the Church and the state as priests' collaboration with OGPU –NKVD bodies in the Urals during 1920s – 1930s. By the example of some internal documents different forms of cooperation and incentives of such behavior have been studied. Analysis of standard documents (papers of commitments, signed statements, etc.) shows that such relations with OGPU-NKVD bodies were understood as a civil duty of a conscious member of the Soviet society and an unconditional expression of loyalty to the authorities.

The archival materials, including investigative files of the repressed clergy, provide an opportunity for considering the possible motives to begin collaboration with the Soviet punitive authorities.

The main motives were: confidence in the OGPU bodies or in specific representatives of the Soviet authority; an expression of loyalty to the Soviet regime or personal benefits from cooperation, first of all — protection from possible repressive measures.

The certain and predominant motive is the consent to cooperate in order to continue the church service; in this connection it is considered the phenomenon of the so-called "Double dealing", when such cooperation was formal.

The author comes to the conclusion that the collaboration of the church servants with the OGPU-NKVD bodies is the ambiguous phenomenon and while examining the biographies of the clergy of that period it is necessary to focus on the clarification of their motives.

Keywords: Orthodox Church, Church persecution, OGPU, NKVD, agents, informants, repressions, social portrait of the clergy.

В ходе Гражданской войны и после ее окончания советская власть вела по отношению к Русской православной церкви активную репрессивную политику: арест священников, изъятие церковных ценностей, поддержка обновленческого и григорианского расколов и др. Одним из способов контроля над религиозной ситуацией в РСФСР (а затем в СССР) являлось привлечение в число осведомителей ОГПУ–НКВД людей из церковной среды.

Теме сотрудничества церковнослужителей с органами государственной безопасности посвящен ряд работ как зарубежных [1], так и отечественных авторов [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Отметим два крайних подхода исследователей к изучаемому вопросу: с одной стороны, утверждается, что подписку о тайном сотрудничестве с властью давало все духовенство, начиная с 1930-х годов, с другой стороны, выявление документированного факта сотрудничества (без рассмотрения обстоятельств создания документа и личности подписавших его лиц) служит основанием для обвинения церковнослужителя в предательстве. Оба подхода к рассмотрению темы сотрудничества церковнослужителей с представителями государства, на наш взгляд, являются упрощенными.

В следственных делах репрессированного духовенства, которые становятся доступными для исследователей, можно обнаружить материалы, свидетельствующие о деятельности ОГПУ по вербовке осведомителей.

Приведем выдержки из типичных документов, которыми оформлялось тайное сотрудничество с ОГПУ в 1925 году на территории Уральской области. Первый документ – это обязательство о сотрудничестве с органами Уральского областного ОГПУ в г. Свердловске, взятое с псаломщика Верх-Исетского собора К.П.¹. Второй – подписка о сотрудничестве, взятая у священника Георгиевской церкви с. Дуброво Оханского уезда в представительстве ОГПУ в г. Перми.

«Обязательство о сотрудничестве с органами ГПУ. Обязуюсь: 1. Быть честным гражданином и охранять это звание от всех порочающих его действий и поступков. 2. Как честный гражданин обязуюсь ставить в известность ПП ОГПУ или уполномоченное им лицо о всех достоверно мне известных преступлениях, готовящихся и совершенных отдельными или группами лиц, направленных во вред СССР. 3. Как честный гражданин, обязуюсь выполнять быстро и аккуратно все просьбы и поручения, исходящие от ПП ОГПУ или уполномоченного им лица. 4. Обязуюсь сохранять в абсолютной тайне даже от близких мне лиц свою совместную деятельность с ПП ОГПУ, а также и все, сообщенное в процессе этой деятельности мною ПП ОГПУ и мне таковым. За нарушение данного мною обязательства буду привлечен к ответственности как сознательный враг СССР и понесу наказание по всем строгостям революционного закона СССР» [8, с. 140–141].

¹ Здесь и далее настоящие имена и фамилии обозначены инициалами.

«Подписка 1925 года апреля 12 дня. Я, нижеподписавшийся <...> даю настоящую подписку Пермскому отделу ОГПУ в том, что я 1) со своей стороны контрреволюционных действий никогда не проявлял и в будущем проявлять не буду, 2) а также обязуюсь следить как за служителями культа, а равно и за президиумом церковно-приходского совета, и [если] со стороны кого мною будут замечены контрреволюционные действия, обязуюсь немедленно доносить в Пермс[кий]Окр[ужной] отдел ОГПУ, 3) о том, что я дал подписку и имею связь с Пермс[ким]Окр[ужным] отделом ОГПУ, обязуюсь никому не разглашать. В случае нарушения сей подписки отвечаю по всем строгостям закона революционного времени, в чем и дал настоящую подписку» [4, с. 38]. (В подписке деление на пункты – наше – *А. Печерин*).

Документы, несмотря на разницу по форме, практически идентичны по содержанию. Различие состоит лишь в том, что в подписке говорится непосредственно о слежке за духовенством и церковным советом, а в обязательстве – также и о выполнении поручений ОГПУ (помимо доносительства о контрреволюционных намерениях и действиях), кроме того, лицо, давшее согласие на сотрудничество, предупреждается об ответственности за нарушение принятых обязательств.

Обязательство, составленное в общих выражениях, можно считать типовым документом, созданным Управлением ОГПУ для вербовки разных категорий населения, а пермская подписка представляет собой вторичный документ, созданный на основе первого, с учетом специфики работы осведомителя в среде духовенства. Указанная форма обязательства при вербовке осведомителей использовалась и в 1930-х годах, как это видно, например, из «покаянного письма» архимандрита К. [9, с. 70–72]. Архимандрит пишет, что ему «было предъявлено настойчивое требование доказать свою лояльность к Советской власти в виде письменного обязательства доносить, если мне будет известно о покушении на Советскую власть» [9, с. 71].

Среди возможных мотивов сотрудничества с органами ОГПУ–НКВД одним из главных, безусловно, являлся страх за свою судьбу и судьбу своих близких. Однако можно предположить и иную, «добровольную», мотивацию священно- и церковнослужителей к сотрудничеству с ОГПУ–НКВД.

Вообще, вопрос о степени лояльности населения, в том числе и духовенства, к советской власти остается открытым, так как в условиях террора выражение свободного мнения было невозможно. В связи с этим представляются интересными результаты исследования, проведенного Гарвардским университетом в 1949–1951 годах среди эмигрантов и перемещенных лиц, согласно которому они, несмотря на жалобы материального характера и выражение враждебности к вождям Советского государства, коммунистической партии и МВД, были довольны отсутствием в СССР безработицы [10, с. 112], а также высоко оценивали советскую систему здравоохранения, образования, культуры и социальной защиты [10, с. 130–136]. «Капиталистические формы организации производства признавались абсолютным меньшинством бывших советских граждан» [10, с. 137]. «Ни один из бывших советских граждан, несмотря на весь свой антисоветизм, ни в одной из анкет или интервью не указал на свое какое-либо нелояльное поведение в течение всей своей жизни в СССР!» [10, с. 127].

В отношении лояльности духовенства, испытывающего, с одной стороны, притеснения от советской власти, а с другой – молившегося за нее во время специальных прошений на каждом богослужении, делать выводы очень сложно.

Идеологическое обоснование лояльности к советской власти, сформулированное в «Декларации» 1927 года митрополита Сергия (Страгородского), могло послужить для некоторых священнослужителей оправданием секретного сотрудничества со специальными органами. Так, архимандрит К. пишет в упоминаемом выше «покаянном письме»: «Такое обязатель-

ство я как бы оправдывал посланием св. ап. Павла к Римлянам, глава 13, и присягой, даваемой при посвящении в священный сан» [9, с. 71].

В.А. Чемезова, анализируя эти отсылки архимандрита К. к словам апостола и ставленнической присяге, приходит к выводу, что автор истолковывает слова апостола о повиновении властям именно в смысле соработничества Советскому государству: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1). Под присягой же архимандрит К., скорее всего, имел в виду указ Святейшего правительствующего синода 1722 года о разглашении тайны исповеди, если дело касается государственной измены или «злого умысления на честь или здоровье Государево» [8, с. 139–140].

Некоторые сведения о лояльности священнослужителей советской власти можно извлечь из ответов духовенства на вопросы анкеты, распространенной Пермским епархиальным управлением в конце 1922 года, когда в зарождающееся обновленчество были включены все приходы Пермской епархии [11]. Один из пунктов анкеты звучал так: «Если сочувствует современному церковному строю, создававшемуся на основе признания справедливости Российской Социальной Революции, то чем может оказать ему поддержку». Нами были выбраны ответы только тех священников, которые через два года составили костяк «тихоновского» духовенства, ведь именно представители этой части верующего населения традиционно воспринимались как наиболее враждебно настроенные к советской власти. Из 14 опрошенных отрицательного отношения к революции и новому церковному порядку не высказал никто. Двое уклонились от прямого ответа «по незнанию», двое выразили согласие к подчинению в той области, в которой она не противоречит вероучительным принципам, остальные выразили безусловное согласие помогать новому церковному строю своей деятельностью.

Возможным фактором, объясняющим подписку о сотрудничестве, наряду со страхом и желанием показать лояльность советской власти могло быть и доверие органам ОГПУ или конкретным людям, представляющим советскую власть. По всей видимости, создание «доверительных» отношений между сотрудниками ОГПУ–НКВД и вербуемыми ими агентами, было распространенной формой работы этого института как до начала Большого террора, так и после него. Протоиерей Николай Тохтуев, отказавшийся от сотрудничества с органами, в письме начальнику ОГПУ обращается к нему как к лицу понимающему, человеку «с душой», умному и образованному: «Гр-н начальник, разрешите мне объясниться с Вами письменно. Я говорить не умею, потому что я малообразованный, так я письменно<...> Вот я все Вам выложил (как другу), и Вы не считаете меня врагом<...> потому что вот уже 23 года существует сов. власть, и я ничем не проявлял себя враждебным по отношению к ней» [4, с. 99].

Доверие к органам ОГПУ–НКВД и следователям как представителям рабоче-крестьянской власти было у населения и в годы Большого террора: «В подавляющем большинстве, обвиняемые, веря честности следователя и органам НКВД, протокол подписывали не читая» [4, с. 213]. В протоколе допроса работника библиотеки Н.Б. (сына священнослужителя) содержится следующая аргументация следователя, призывавшего назвать «третьих лиц»: «Отказавшись назвать своих знакомых, Вы заведомо клевете на правосудие Советской власти, нагло обвиняя органы ГУГБ НКВД в бессудных расправах». Также следователь указывал на то, что доверие к органам ОГПУ должно быть у каждого патристически настроенного гражданина. На следующий день Н.Б. согласился дать показания: «За ночь я подумал, я вспомнил, что моя первая обязанность – заботиться о своих семейных, которым будет тем тяжелее, чем хуже будет мне, также подумал, что для рассеяния высказанных в вопросе подозрений мне лучше выполнить ваше требование...». После этого Н.Б. был переведен следователем из разряда подозреваемых в разряд обвиняемых [4, с. 148–150].

Из показаний обновленческого епископа С.И.: «В 1924 году в мае, в городе Костроме, бывшему Костромскому губ. отделу ОГПУ, добровольно, без всяких к тому побуждений насильственного порядка с чьей-либо стороны, я дал письменное обязательство о том, что буду секретно сотрудничать с органами ОГПУ в деле борьбы с контрреволюцией во всяких ее проявлениях» [4, с. 232].

Известны случаи, когда представители духовенства пользовались знакомством (и, надо полагать, сотрудничеством) с руководством ОГПУ для укрепления личного авторитета среди других представителей духовенства. Так, «тихоновский» епископ Г. П. подчеркивал свою близость к НКВД, в разговорах с духовенством упоминая начальника 3-го отдела СПО УГБ УНКВД по Свердловской области Купер-Михеева: «Мне Купер сказал», «Мне Купер вполне доверил» или «что для меня РИК и сельсоветы, когда я имею дело с самим Купером» [4, с. 142]. Обновленческий епископ Г.Л. «в целях придания себе веса в епархии и запугивания подчиненного духовенства и прихожан называл себя секретным агентом ОГПУ» [4, с. 226].

Знакомство с сотрудниками органов ОГПУ могло использоваться для занятия высоких административных должностей для себя или протежируемых лиц. Так, один из сотрудничавших с ОГПУ священников, называвший себя неверующим в Бога и многократно желавший снять сан, удерживался сотрудниками ОГПУ–НКВД в сани и занимал в Нижне-Тагильской обновленческой епархии должности благочинного и настоятеля. Другой священник, являвшийся осведомителем, угрожал назначенному на высокий церковный пост протоиерею С. арестом, если тот не передаст своей должности его знакомому, и что ордер на арест уже подписан в Пермском секторе НКВД, о чем якобы ему сообщил сотрудник сектора Аликин [4, с. 235].

Работа осведомителем могла давать таким священниками защищенность от канонических прещений со стороны епископа. К примеру, при постановке вопроса о принятии решительных мер к провинившимся священникам их защитник останавливал архиерея тем, что они имеют «особые заслуги», намекая на сотрудничество с НКВД [4, с. 236].

Осужденный в 1940 году протоиерей Николай Тохтуев, объясняя свой отказ от сотрудничества, так характеризует секретных сотрудников из церковной среды: «Я не шкурник, большинство на эту службу идет, чтобы спасти самого себя и пожить на счет других» [4, с. 98]. Таким образом, еще одним мотивом сотрудничества с ОГПУ мог быть корыстный интерес. Сотрудничество с ОГПУ давало ряд привилегий: подтвержденное властью право считать себя советским человеком и продолжать при этом заниматься церковной деятельностью, защищенность от произвола местных советских и церковных властей, иммунитет от репрессий вплоть до начала Большого террора и даже право считать себя «своим» для ОГПУ–НКВД, чекистом. Из письма священника Л.Б. к Л.П. Берии (1939 г.): «Я с 1923 по 1937 г. был связан с органами ГПУ–НКВД<...> Я сам был 15 лет чекист» [12, с. 152–153].

Также следует указать на еще одну возможную мотивацию, состоящую в том, что согласие к сотрудничеству давалось формально, для продолжения осуществления церковной деятельности. Такого рода позиция, когда подписанный документ исполнялся формально или даже использовался в церковных интересах, следователями ОГПУ–НКВД часто именуется «двурушничеством». Встречался такой феномен «двурушничества» как среди православного, так и среди григорианского и обновленческого клира.

Священник с. Ново-Троицкого Петуховского района Т.Т. на протяжении двух с половиной лет работы секретным агентом (с 18 янв. 1931 г.) все время «двурушничал»: «Материалы давал отвлеченного характера, писал больше о том, что его сельсовет обижает – штрафует, не дает производить молебны по домам гр[ажд]а и устраивать крестные ходы. Во время каран-

тина священник в церкви начал служить молебн. Когда начальник сельсовета Плотников послал в церковь священнику Тихонову записку о прекращении молебна, последний в сельсовет явился в сопровождении массы верующих и папкой постановлений правительства и говорил: «Вы богослужение запретить не имеете права потому, что церковь от вас отделена, я вам не подчиняюсь, ко мне не имеете права прикасаться, вы свое дело ведете и ведите, а мне не мешайте»» [13].

Обновленческий епископ В.З., женатый, проживающий в Александровском заводе Кизеловского района Свердловской области, «добивался открытия давно уже закрытых церквей, используя для этой цели актив церковников, создавая церковные “двадцатки”»; обвинялся в том, что «в бытность секретного осведомителя двурушничал, вел антисоветскую пропаганду» [4, с. 230].

Завербованной районным ОГПУ «церковнице» Ершовой как имеющей связи с духовенством и монахинями Лыковой и Артемьевой было дано поручение вести постоянное наблюдение за священником Нелюбовым из с. Клястицкого Троицкого района, который по подозрению ОГПУ «систематически вел агитацию против советской власти и проводимых кампаний», за что вместе с монахинями подлежал привлечению к ответственности по ст. 58–10 УК. В протоколе обвинения сообщается, что «Ершова же не дала нам ни одного материала об антисоветской деятельности Нелюбова, Лыковой и Артемьевой, а наоборот, предупредила Нелюбова и оказала ему содействие скрыться, предоставив ему свою лошадь. <...> Ершова в марте 1932 г., придя в с/совет и воспользовавшись отсутствием в с/совете людей, взяла штамп с/совета и наставила его на чистую бумагу <...> в количестве 23 штук, из коих Ершова два бланка выдала Лыковой и Артемьевой, а последние на этих бланках заготовили справки с намерением уехать на производство работать» [14].

Сотрудничество с ОГПУ давало право на критику власти в личных беседах и даже проповедях. Из показаний игумена А.: «Я знаю, что архиепископ Г. все время говорил проповеди, я еще удивлялся, как он смело говорит проповеди, направленные против власти, и ему ничего не делают. Вот в этот раз я поехал в Пермь, чтобы послушать архиепископа Г., но он уже был арестован» [4, с. 169]. Из протоколов допроса архиепископа Г. следует, что этот архиерей сотрудничал с НКВД (в частности, получал задание установить местопребывание одного из религиозных деятелей – «руководителя новой секты, явно контрреволюционного характера»). В обвинительном заключении говорится также о том, что архиерей оказывал материальную помощь духовенству и допускал критические высказывания по отношению к власти в частных беседах [4, с. 144–145].

Выпускник духовной академии Н.Н., являвшийся секретным осведомителем ОГПУ, в частной беседе говорил следующее: «Ребятишек сплошь развратили, вытравили у них все святое. Архиереи превратились в агентов Сов[етской] власти, в покорных слуг безбожного правительства. Вот до какого унижения дошла русская церковь» [4, с. 52].

В.Д. Игнатов, автор крупнейшего исследования по истории доноительства, пишет, что среди церковнослужителей была довольно высока доля «кандидатов» в осведомители, отказавшихся от сотрудничества с органами, несмотря на реальную угрозу репрессий [2, с. 70]. Мы же можем добавить к этому, что среди подписавших обязательство о сотрудничестве с органами доля проводивших это сотрудничество формально, пытавшихся использовать это сотрудничество «во благо Церкви», была значительно выше. Так, сохранились данные от начальника отдела Челябинского ОГПУ о количестве и активности секретных сотрудников: «24 агента и осведомителя, из которых 6 были на связи у сотрудников отделения» [15]. Это позволяет говорить о том, что среди челябинских церковников, активно сотрудничавших с НКВД (или, по выражению начальника отдела, «бывших на связи»), было меньшинство, около 25 %. Однако количество «сводок», получаемых от активной агентуры, поражает. Так, обновленческий священник В.Х. за 1936 г. подал 388 агентурных сводок; священник Б. за 1936 г. подал 202 агентурные сводки [16].

Среди лиц, давших согласие на тайное сотрудничество с советской властью, можно выделить две категории – активных агентов и так называемых «двурушников». Первые – составляли частые, порой ежедневные агентурные сводки. Поведенческий тип таких осведомителей варьировался от «закрытого» (замкнутого, тайного) до «открытого» (бравирование своим сотрудничеством). Сотрудничество «двурушников» имело формальный характер: по несколько лет они не выходили на связь или удовлетворяли запросы органов различными отписками. В некоторых случаях под гнетом совести они документально отказывались от данных ими обязательств секретных сотрудников, а иногда использовали близость к власти для церковных целей. Сами прозвища, взятые такими сотрудниками – «Христианин», «Верующий», – красноречиво говорят об их нежелании вставать в ряды активных осведомителей. Часто такие «двурушники» попадали под арест за разглашение факта сотрудничества или за «недоносительство».

В результате мы можем выделить следующие мотивы, которые могли быть основанием для сотрудничества духовенства с «всемогущим» ОГПУ–НКВД: 1) страх за свою жизнь и жизнь своих близких; 2) привилегированное положение агента ОГПУ; 3) желание продолжить церковно-общественную деятельность; 4) желание показать свою поддержку социалистическому строю; 5) доверие институту ОГПУ–НКВД, а также конкретным следователям, проводившим вербовку.

Таким образом, сотрудничество служителей Церкви с органами ОГПУ–НКВД – явление неоднозначное. В биографиях священнослужителей, подвергнувшихся репрессиям (в том числе и причисленных Церковью к лику святых), нередко обнаруживаются факты, свидетельствующие о сотрудничестве с органами ОГПУ–НКВД, что обязывает историков с большей тщательностью исследовать вопросы подобных церковно-государственных отношений.

Список литературы

1. Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы (1925–1941). Воспоминания. – Париж: YMCA-Press, 1977. – 460 с.
2. Игнатов В.Д. Доносчики в истории России и СССР. – М.: Вече, 2014. – 416 с.
3. Веденеев Д.В. Атеисты в мундирах. Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. – М.: Алгоритм, 2016. – 494 с.
4. Простите, звезды Господни: исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? / сост. В.А. Королев. – Фрязино: Православный паломник, 1999. – 320 с.
5. Шангин М. С. Террор против совести: об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области. – Омск: Омск. кн. изд-во, 1994. – 317 с.
6. Гусакова О.В. Хранители веры. О жизни Церкви в советский период. – М.: Никея, 2017. – 252 с.
7. Орловский В.А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений церкви и государства: 1970–2011 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. – Курск, 2016. – 487 с.
8. Чемезова В.А. Осведомитель «Христианин» // Православие на Урале: связь времен: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2017. – С. 137–146.
9. Исторические страницы Русской православной церкви в Верхотурье. Малоактайский скит / подгот. публ. Е.В. Вертилецкой, Е.Ю. Ребриной // Архивы Урала. – 2006. – № 9–10. – С. 49–85.
10. Козин Е.В. «Гарвардский проект». – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 208 с.

11. Печерин А.В. Анкеты священников как исторический источник // Православие на Урале: связь времен: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2015. – С. 166–173.
12. Лавринов В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). – М.: Изд-во Крутицкого подворья; Об-во любителей церковной истории, 2008. – 312 с.
13. Следственное дело Т.А. Тихонова // Государственный архив общественно-политической документации Курганской области. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 5277. Л. 20–21.
14. Следственное дело по обвинению Ершовой М.В., Миковой П.В., Артемьевой А. // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1660. Л. 53–53 об.
15. Протокол допроса свидетеля начальником 2-го отдела НКВД Бритиковым Ф.К. (16 нояб. 1939 г.) // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 424.
16. Протокол допроса свидетеля сотрудником НКВД Иванцовым А.В. (2 дек. 1939 г.) // Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 428.

References

1. Krasnov-Levitin A.E. Likhie gody (1925–1941). Vospominaniia [Likhie years (1925–1941). Memories]. Parizh, YMCA-Press, 1977, 460 p.
2. Ignatov V. D. Donoschiki v istorii Rossii i SSSR [Informers in the history of Russia and the USSR]. Moscow, Veche, 2014, 416 p.
3. Vedeneev D. V. Ateisty v mundirakh. Sovetskie spetssluzhby i religioznaia sfera Ukrainy [Atheists in uniforms. Soviet special services and the religious sphere of Ukraine]. Moscow, Algoritm, 2016, 494 p.
4. Korolev V. A. Prostite, zvezdy Gospodni: ispovedniki i sogliadai v dokumentakh, ili zachem russkomu tserkov'? [Forgive me, the stars of the Lord: confessors and spies in documents, or why the Russian church?]. Fiazino: Pravoslavnyi Palomnik, 1999, 320 p.
5. Shagin M. S. Terror protiv sovesti: ob unichtozhenii dukhovenstva i trudovogo krest'ianstva v g. Omske i oblasti [Terror against Conscience: the destruction of the clergy and the working peasantry in Omsk and the region]. Omsk, Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994, 317, [2] p.
6. Gusakova O.V. Khraniteli very. O zhizni Tserkvi v sovetskii period [Keepers of the faith. About the life of the Church in the Soviet period]. Moscow, Nikeia, 2017, 252 p.
7. Orlovskii V. A. Vosstanovlenie praktiki prichisleniia k liku sviatykh i kanonizatsiia novomuchenikov rossiiskikh v kontekste vzaimootnoshenii tserkvi i gosudarstva: 1970–2011 gg. [Restoration of the practice of attribution to the saints and the canonization of the new martyrs of Russia in the context of church-state relations: 1970–2011]. Doctor's degree dissertation. Kursk, 2016, 487 p.
8. Chemezova V. A. Osvedomitel' «Khristianin» [The informer "Christian"]. *Pravoslavie na Urale: sviaz' vremen. Materialy V1 vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg, 2017, pp. 137–146.
9. Vertiletskaia E. V., Rebrina E. Iu. Istoricheskie stranitsy Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v Verkhotur'e. Maloaktaiskii skit [Historical pages of the Russian Orthodox church in Verkhoturye. The Malaktai skete]. *Arkhivy Urala*, 2006, no. 9–10, pp. 49–85.
10. Kodin E. V. «Garvardskii proekt» [The Harvard Project]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2003, 208 p.
11. Pecherin A. V. Ankety sviashchennikov kak istoricheskii istochnik [Forms of priests as a historical source]. *Pravoslavie na Urale: sviaz' vremen. Materialy IV vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg, 2015, pp. 166–173.
12. Lavrinov V. Ocherki istorii obnovencheskogo raskola na Urale (1922–1945) [Essays on the history of the renewal split in the Urals (1922–1945)]. Moscow, Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia/Obshchestvo liubiteli tserkovnoi istorii, 2008, 312 p.
13. Sledstvennoe delo T.A. Tikhonova [The investigative case of T.A. Tikhonov]. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi dokumentatsii Kurganskoi oblasti*, f. 6905, op. 2, d. 5277, l. 20–21.
14. Sledstvennoe delo po obvineniiu Ershovoi M.V., Mikovoi P.V., Artem'evoi A. [Investigative case on charges of Ershova M.V., Mikova P.V., Artemyeva A.] *Ob'edinenny gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti*, f. R-467, op. 3, d. 1660, l. 53–53 ob.
15. Protokol doprosa svidetelia nachal'nikom 2-go otdela NKVD Britikovym F. K. (16 noiab. 1939 g.) [The protocol of interrogation of the witness by the chief of the 2nd department of the NKVD Britikov F.K. (16 November 1939)]. *Ob'edinenny gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti*, f. R-467, op. 3, d. 25163, t. 22. l. 424.
16. Protokol doprosa svidetelia sotrudnikom NKVD Ivantsovym A.V. (2 dek. 1939 g.) [The protocol of interrogation of the witness by the NKVD officer Ivantsov A.V. (Dec. 2, 1939)]. *Ob'edinenny gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti*, f. R-467, op. 3, d. 25163, t. 22. l. 428.

Получено: 28.12.2017

Принято к печати: 07.02.2018